

ХОРХЕ КАРРЕРА АНДРАДЕ

Вести с моря и суши

С испанского *

Дорожный бюллетень

На черепичной крыше мира
петух сушил свою цветную песню.
Как плод, тяжел был свет в эфире.

Скрижали с заповедями дало мне поле.
Был сделан плуг из старого креста,
из деревянной боли.

Кольцом утраты
мне палец сердца сжал
экватор.

Сундук свой с попугаями я погрузил
на двадцатибрейдвымпельный корабль,
который на другой конец земли отплыл.

Пылал созвездий алфавит над плаваньем.
На карусели горизонта
довольные качались дети — гавани.

И вдруг восстали тут
моря и все четыре ветра
на адмирала моего — мечту.

Железный клевер — якорь,
тебя на древний континент забросил капитан.
Увидел башни я, груженные мешками облаков,
и аистов — за краном кран —
с корзиною своею в клюве.

Европа механические плуги
кормила маслом точным,
и колос, поворачиваясь к солнцу, кальций
соломинкой высасывал из почвы.

---

* ХОРХЕ КАРРЕРА АНДРАДЕ — Вести с моря и суши (*Стихи. Перевод с испанского О. Савича, С. Гончаренко*) // Каррера Андраде Х. *Инвентарь мира* (М.: Художественная литература, 1977), 93–156.

Некоммерческое электронное издание. «Im Werden Verlag», 2009.
<http://imwerden.de>

Но, поднимаясь вверх по трубам дымовым,
вся радость мира
перерабатывалась в дым.

А на разрозненных листах муки
колосьев пролетариат свои воззванья
печатал с мельничной доски.

Во всю воздушную длину
друг с другом говорили города.
Открыл я человека. Цель приезда
я понял лишь тогда.

Побережье рассвета

Комментировал парус
пенных волн письма.
В сонной бухте качалась
бескозыркой луна.

Море мерно вращало
мозаичный витраж.
Ветер в тонкий пергамент
паковал такелаж.

До ночной бригантины,
верный миг улучив,
с побережья рассвета
донырнули лучи.

По окраине неба —
острова, как суда.
Тихо в облаке-лодке
колыхалась звезда.

Утренняя стирка

Остров Тринидад

Недаром струятся звезды,
недаром они хлопочут:
им нужно выстирать остров
в студеном омуте ночи.

Хрустит парусина ветра,
умыта ночная площадь,
созвездие Водолея
поляну в росе полощет.

Ведь с первым лучом багряным
невестой заря пройдет
по улицам и полянам.

Взорвется лимонный запах,
зарю обручивши с солнцем
под пять петушиных залпов.

Зеркальная лавка моря

Море торгует
вовсю зеркалами.
Каждое зеркало — жидкое пламя.

— Угодно квадратные вам зеркала?
От водяной озеркаленной глыбы
их отпилила рыба-пила.

Может, желаете круглое зеркало?
Только оно плавниками исчеркано.

Солнечным зайчиком вспыхнул пучок
сочных лучей под водой...
— Извините,
это не зеркало, а осьминог.

Это вот зеркало подзамутила
тина, а может, и темная туча;
туча — всего лишь летучая тина.

Зеркало для утонченного вкуса:
здесь нарисованы рыба-пилот
и с голубым парашютом медуза.

В зеркале этом
помадою алой
густо покрасили губы кораллы.

— Море, к чему мне такие рисунки?
Ты подари мне зеркальную гладь
с юным лицом утонувшего юнги.

Приветствие портов

Человек Эквадора,
погонщик вьючных животных, земледelec
на земле, раскрашенной двумя временами года,
продавец ракушек и бананов,
на берегу, исписанном огнями и мечтами,
садовод, разводящий каучуковое дерево,
и хозяин каноэ на реке Амазонке,
я тебе посылаю привет от портов,
от пейзажей производственной зоны.

Шоколадный Амстердам,
лодки, как деревянные башмаки в огородном канале,
домики, разрисованные и чистые,
как хорошо воспитанные служанки,
и воздух, большой знаток садоводства.
Гамбург, посахаренный снегом,
с трубкой, засунутой в чехол Эльбы,
морской язык скрежещущих кранов
и мореходная радость
верфей — основателей колоний.

Марсель с раскрашенными лодками
цвета одежды цветных людей;
продавцы рыбы
знают песни пяти частей света,
и на столах топорщится африканский ананас
рядом с дыней-космополиткой,
черные маслины
и подводная глубь,
законсервированная в банках.

Поезда — акробаты
на ночных отточенных мостах.
Караван судов пересекает водопад зари.
И вот до самой середины неба
Париж, первейший человеческий порт;
набережные Сены с книжными рыболовами;
Люксембургский сад — рай кормилиц;
Эйфелева башня — жираф среди башен.

Все поет во мне, когда слышу, что самолеты
международной весны
пилят драгоценное дерево неба.
Я на линии западных поездов
занят регистрацией мира:
отмечаю в своем окошечке
рождения и смерти горизонтов,
разжигаю в своей трубке границы
перед библиотекой из черепиц в селеньях
и дрессирую цирк моей крови
биением сердца вселенной.

Завтрак вселенной

Четыре часа голопузых
делят на четыре куска
утро арбуза.

Синий глаз открывается в выси.
Дети земли изучают
сахара катехизис.

Из театра бархатистости ночной
выходят окна:
глаза омыты слезой.

Не умолкает, не перестает
надоедливая песня часов
в одной из извечных пустот.

Тают, превращаясь в воду и воздух,
в арбузном небе
сахарные звезды.

Только что вымытый до боли
мир ест ложкою свет
с ломтями поля.

Крайне левая

Поет товарищ-цикада:
занозила горло и рада.

Подстрекает всю зелень хмуро
против человеческой диктатуры.

Повозка сломалась. Прыжок, паденье.
Шагает цикада без направленья.

На ходу — призыв и команда.
Она — секретарь пропаганды.

На капустном листе она публикует:
«Жизнь тяжела, а солнце психует!»

Ты права, цикада — работник до гроба,
подрывая государство пеньем без лиры.
Образуем, подруга, с тобою мы оба
крайне левую этого мира.

Биография

Окно родилось от страсти к небу,
и на черной стене оно встало, как ангел на звездах.
Оно — друг человека
и привратник воздуха.

Оно беседует с лужами на земле, с мокрыми нишами,
с зеркалами — детьми домов
и с бастующими черепичными крышами.

Окна со своей высоты веско
ориентируют на местности толпы
своими прозрачными вывесками.

Окно-учитель
распространяет в ночи свой свет, свои вести,
извлекает квадратный корень из метеора,
суммирует колонны созвездий.

Окно — это борт корабля земли, —
как тихим прибором, он опоясан тучами розовыми.
Дух-капитан ищет остров господний,
и глаза его омываются в синих грозах.

Окно распределяет между всеми людьми
по кубу воздуха, по кварте света.
Вспаханное облаками, оно —
маленькая собственность неба.

Экваторец у подножия Эйфелевой башни

Стальное дерево над плесом века,
под синей кроной размером с небо.
Насквозь прогрызли автомобили
железный комель огромной сейбы.

Глаза к лазури спешат взобраться
по переплету железной рамы.

Над черепичной долиной кровель
качает шеей стальная лама.

В прозрачных складках воздушной ткани,
в подвесках бликов белее пены
выходит башня ночной порою
на звездно-черный песок арены.

Пробив локтями созвездий млечность,
стальная мачта таранит вечность.

На ней растянута шатер незримый
на перекрестке ночной вселенной.
Рисуют контур ее галактик
огни и звезды попеременно.

Зачин астрального алфавита,
стальная башня в зенит воздета.
Надежда, вставшая на ходули,
ты — гимн железу, триумф скелета.

Клеймо для тучной коровы-тучи,
а веку — вышка сторожевая.
Ржавеет тихо в прибое ветра,
в прибое неба стальная свая.

Еще раз об окнах

Окно — это грань графина,
который всегда наполнен
парным молоком рассвета
или лимонным полднем.

Как светится синеглазо
хрустальная эта ваза!

О чистый ее передник
дробятся лучи рассвета
расцвеченным опереньем.

А белый крест переплета —
как мраморное надгробье
лиловой ливневой туче,
взирающей исподлобья.

Зеркало в столовой

Бродит луч по лекалу
серебрящихся точек.
Это чертит в столовой
наше зеркало-зодчий.

И крылом стрекозиным,
слюдяною полоской
интерьер рассекает
невесомая плоскость.

Будто циркуль мерцанья
измеряет предметы
мерой дробного света.

Биссектрисой стеклянной
перебиты графины,
и стекает, сверкая,
на пол струйка рубина.

Словно в пруд, силуэты
в это зеркало вмерзли,
и беседуют тихо
блики азбукой Морзе.

Рвется свет, как петарда
или протуберанец.
Луч ресницами гладит
границы лаковый глянец.

А по диагонали
вертикального плеса
отражения стынут,
будто знаки вопросов.

В мире, одушевленном
излучением смысла,
бродят тени предметов,
словно зримые мысли.

За зеркальной границей
очень четкие грани:
соль познания — солонка,
уксус — воспоминанья.

Виноградные льдинки —
это наледь дыханья.
Кофе — это раздумье.
Сахар — белый архангел.

Девушка из Панамы

В бухте лоснится лунное масло,
коже смуглянки вечер сродни.
В сумраке дальнем судно увязло,
в глянцево море моя огни.

Черные лица мелом-улыбкой
кто-то внезапно разрисовал.
Это мулатка поступью зыбкой
пересекает черный квартал.

Лед о стаканы бьется со звоном.
Груди упругой ходят волной.
Веер соседки пахнет лимоном,
пахнет ванилью душ ледяной.

В черной пролетке черная дама.
Кучер смеется, черный как смоль.
На черепице чертит реклама
четкую надпись «Клуб Метрополь».

Зала казалась больше вокзала.
Публики было — не продохнуть.
То ли мулатка вся танцевала,
то ли же только бедра и грудь.

Нет, ворожило, а не плясало
тело мулатки под барабан.
На берегу голубого бокала
зрел у меня с ней краткий роман.

Обнаженная девушка

Пульсом и дрожью
в кровь врываясь,
ты претворяешь
время в радость.

Запах забытый память тревожит:
детством пропахла
юная кожа.

Запах ли моря?
Запах травы ли?
Запах, пронзивший
душу навывлет.

Руки — скрещеньем солнечных линий —
глаже, чем галька,
слаще, чем дыня.

Ангел, горящий с песнею белой
в белом костре
обнаженного тела.

2°48' южной широты

Желтая пристань. Как самородки,
лежат ананасы — некуда класть.
К свае привязана желтая лодка;
в лодке — простая рыбацья снасть.

Бочонки джина — горою шаткой.
Сложены ящики кое-как.
Укус гадюки на голой пятке
всем демонстрирует старый моряк.

Груды бананов возле сарая.
Пахнет медом табачный лист.
Из бочки высунулся, зевая,
еще не проспавшийся в ней метис.

Лишь в полночь стихнет многоголосье,
и желтая пристань вроде бы спит,
и только бродят по ней матросы
с глазами, цветом в бесцветный спирт.

Гамма

Ветер корсарский нить разговора
вырвал у нас и унес на Азоры.

— Видишь, — сказал я, — позолотили
ночь океана рыбы-светильни.

Тихо коснулся коралла губами...
Судно Азорскими шло островами.

Плыли, качаясь, глаза ее рядом.
Юные пряди плыли, ныряя.

Так и осталось: очи-озера
на широте полуночных Азоров.

Ночной порт

В бочках дубовых вина угрюмы:
очень печально им на причале.
Бочки мечтают ночью о трюмах.
Пахнет щемяще устрицей ветер.
Полночь — рыбачьи мокрые сети.

Спиннинги-мачты ловят созвездья;
бакены-лодки в лунном асбесте.

Вспыхнул фонарик на полубаке,
взвившись, как факел рыбы летучей;
льются чешуйки света во мраке.

На горизонте контур шаланды, —
словно команда сгинувшей шхуны
переправляет смерть контрабандой.

Судьба

Глядя на мачты из-под ладони,
корпусом всем подавшись вперед,
где-то в Голландии незнакомой
меня незнакомая женщина ждет.

Пристань, каналы в каменных плитах,
мельница с черным крестом на горбу
выйдут навстречу, перевернув
так неожиданно мне судьбу.

Старому саду стану хозяин,
станет хозяином мне огород.
Буду ласкать фруктовые губы,
глядя, как яблоней сын растет.

С трубкой, набитой травой забвенья,
выучившись вечера коротать,
утром однажды взойду по трапу
на мокрую палубу я опять.

Глядя на мачты из-под ладони,
корпусом всем подавшись вперед,
мне с рубежа незабытого мола
женщина молча косынкой махнет.

Клара фон Рейтер

Как яблоко в вазе, сиропом облитый,
твой голос взлетает на пятый этаж
в прозрачном кубике лифта.

Метро укачало подземное ложе,
но в темном тоннеле вагон озарен
свеченьем твоей апельсиновой кожи.

Автобус струит на проспекты столицы
под взмахом твоих серповидных очей
твои золотисто-ржаные ресницы.

И легче, чем тонкая нота колибри,
в стеклянной тетради крутящейся двери
мелькает твой профиль — изящный экслибрис.

Одна из версий земли

Добро пожаловать, о новый день!
Вернулись в мастерскую глаза
рисунок, цвет и светотень.

Вот мир огромный
весь в упаковке из чудес:
и мужественность дерева,
и благосклонность бриза и небес.

И розы механизм.
И колоса архитектура.

Земля без перерыва занята
его зеленой шевелюрой.

А сок, невидимый строитель, строит
с помостов воздуха наклонных
и вверх шагает по ступеням света,
который стал объемным и зеленым.

А землемер-река проделывает опись
окрестностей.
А горы моют темные бока
на дне небесном.
Вот мир растительных столбов дорожных,
и водяных дорог,
и механизмов, и строений, —
одушевляет их таинственный поток.
А дальше — прирученные цвета и формы,
живые воздух, свет и даль;
все это собрано в Творенье человека, —
он дня живая вертикаль.

Зарисовки городов

Гуайякиль

Про солнце твердят витрины,
и лодки, и рябь залива,
и этот причал пустынный.

А воздух под белым игом
каленого солнцепека
исходит истошным криком.

Гавана

Сахарных заводов трубы —
тростниковыми стеблями...
Уезжает сахар с Кубы.

Эмигрируют чащобы,
уезжают ром и румба.
Дружно всходят небоскребы.

НАССАУ, БАГАМСКИЕ ОСТРОВА

Нассау, палитра лета.
Здесь ветер пронизан солью,
а свет изнемог от цвета.

Зеленым стеклом играя,
качается в море город,
как перышко попугая.

СЕНТ-ДЖОРДЖ

Чайки да изумруды
водорослей плавучих —
не за горой Бермуды.

Маяк, подмигнувший грустно.
Пальмы. Белые крыши.
Люди цвета лангуста.

Виго

Здесь бухта глазам не верит:
штурмуют утес отвесный
косые крыши и двери.

А окна, тысячеглазы,
глядят, как в заливе травят
тунца борзые-баркасы.

Ла-Корунья

Примазаться бы к фортуне:
у самого моря домик,
невеста из Ла-Коруньи.

Сидеть у воды и просто
смотреть, как мерцает парус
и как проплывают звезды.

Сантандер

Тот не гладил моря кожу,
тот не понял ветра душу,
в Сантандере кто не пожил.

В два ряда деревья сдвинув,
мокнет улица Переды.
Небо блещет, как сардина.

Ла-Палис

Вещает белая волна
о том, что пленена на Ре
островитянами луна.

На горизонте дым возник:
сирены труб о том поют,
что мир един и многолик.

Нью-Йорк ночью

Уперлись прямо в месяц
колонны небоскребов
подобьем узких лестниц.

А в тиглях окон вечер
переплавляет в пламя
надежду человечью.

Одиночество городов

Не зная своего номера.
Окруженный стенами и границами.
Под каторжной луной,
с привязанной к щиколотке вечной тенью.

Живые границы встают
на расстоянии одного шага от моих шагов.

Нет севера, нет запада, нет юга и востока,
есть только размноженное одиночество,
одиночество, разделенное на число людей.
Бег времени по часовой арене,
трамваев сияющая пуповина,
церкви с атлетическими плечами,
стены, читающие по складам два-три цветных слова, —
все это сделано из одинокого вещества.

Образ одиночества:
каменщик, поющий на лесах,
неподвижная небесная лужа.
Образы одиночества:
пассажир, погрузившийся в газету,
лакей, прячущий портрет на груди.

У города внешний вид минерала.
Городская геометрия не так красива,
как та, которую мы учили в школе.
Треугольник, яйцо, кубическая сахарная голова
просветили нас на празднике форм.
Только потом появилась окружность:
первая женщина и первая луна.

Где было ты, одиночество,
что я не знал тебя до двадцатилетнего возраста?
В поездах, в зеркалах и на фотографиях
ты всегда рядом со мною.

Крестьяне не так одиноки,
потому что составляют одно с землею.
Деревья — их дети,
смену времен года они чувствуют собственным телом,
и примером им служат жития святых маленьких животных.

Это одиночество питается книгами,
прогулками, роялями и осколками толпы,
городами и небесами, завоеванными машинами,
листами пены,
разворачивающимися до границ моря.
Все изобретено.
Но нет ничего, что могло бы освободить нас от одиночества.

Карты хранят тайну чердаков.
Слезы сделаны для того, чтобы их выкурить в трубке.
Старались похоронить одиночество в гитаре.
Известно, что оно проходит по неоплаченным квартирам,
что оно торгует платьем самоубийц
и что оно опутывает посланья, бегущие по телеграфной проволоке.

В третьем классе

В вагоне третьего класса
солдат вскрывает штыком
консервную банку времени.
Токарь снимает двухцветную стружку с яблока.
А где-то на вороненой крыше паровоза
затаилась безбилетница-луна.

Берлинские пивные.
Пиво цвета светящихся глаз.
Зеленый базар на площади Лютера.
Статистикой учтена каждая хлебная крошка, съеденная воробьем.

Снегопад — первопричастье земли;
«Вот и зима!» — радостно твердят мужчины и женщины.
Кельнский собор —
сталагмитовая роща,
гранитные струи фонтана, врезанные в лазурь,
воздушный замок инея,
окаменевший аккорд.

По дороге из Кельна в Париж
в окна бросаются юные нивы.
Ветер треплет золотые кудри полей, позабывших войну:
даже скелетам младенцев, зарытых в этом черноземе,
исполнилось ныне двенадцать лет.

Бельгия. Вокзальные часы показывают время с точностью до столетья.
Голубые солдатики и голубые фасады.
За этой стеной — Брюссель.
На крестьянской телеге два метра огорода едут на рынок.

Улицы Парижа кажутся знакомыми с детства,
хотя их видишь впервые.
Триумфальная арка
стала на четвереньки под тяжестью истории.
Птицы на соборе Нотр-Дам словно крылатые барельефы.
Рулетка круглой площади Согласия —
там я поставил на белый ноль луны свою надежду.
Однажды, выйдя воскресным утром из Лувра,
я обнаружил, что лед — это вода, ставшая статуей.

Беззвучные весла рыбацких баркасов.
У моллюсков явственный привкус солнца.
Баскские селенья в беретах тумана.
Испанские фонари
дерутся на шпагах с темнотой.
Все это — только личина, условные вехи.
Мир же един,
несмотря на все свои разноликие формы.
То же одиночество, ледящее кости,
и та же пролетарская закалка
у жаровен, на которых дымятся каштаны.

Краски Гаваны

В ритуальном танце племя кокосовых пальм бьет в барабаны листьев.
Море моргает тысячью фосфорических глаз.
Каждый день этот город приходит на пристань
встречать чужестранные корабли
и глазеть на ныряльщиков, которые всплывают,
зажав в зубах монету,
брошенную с палубы к рыбам Антильского моря.
Гаванский трамвай движется в ритме маракаса.
Гаванские деревья подстрижены, словно бараны.
Гаванские проспекты бегут напрямик через город,
покуда не наткнутся на памятник.

Женщины с лицами цвета корицы и знойной сигары.
Креолы в сомбреро из золотистой соломы,
вращенной тропическим солнцем.
Негритята с улыбкой, похожей на спелый арбузный ломоть.
Кокосы и ананасы — объедки с пиршества румбы.

Пушки из парка Масео
щерят голодные пасти
при виде дельфинов, играющих в бухте,
которую стережет грозно поднятый палец
замка Эль-Морро.

Двести гвардейцев ежедневно несут караул
под синим взглядом Капитолия.
Квадратные томики небоскребов —
здесь по вывескам можно легко обучиться читать по-английски.
На Двадцать третьей улице продают дорогие цветы
и свет отливает оттенком подсолнечного масла.
А на Восьмой улице полиция обнаружила стальной ананас,
смертельные зерна которого зрели у окна прокурорского дома.

Но, несмотря ни на что,
живительный запах устриц пирует на Малеконе
и все так же приторен вкус жизни в «Тропикане».
Женские бедра — изящная музыка,
нежные руки красавиц пахнут, как персики, вводя в искушение птиц.
Аэроплан в белом фраке рассекает своим вентилятором
гущу синего зноя.
Яхты возле крепости Де-ла-Кабанья
дают открытый урок безмятежного сна,
а пароходные трубы тянут темную ноту дыма
за горизонт, где скоро проклюнутся первые звезды.
И когда над Гаваной взорвется
черный фугас ночи — никто не вздрогнет.
Только повиснет над городом серпик луны,
словно банан на банановом дереве неба.

Забастовка

Промчались, коней стегая,
жандармы. Задрали кили
покинутые трамваи.

Камень против винтовки:
брусчатка — хлеб забастовки.

Глаз лошадиной морды
под вспышки секущих сабель
фотографировал мертвых.

Домá зажигали свечи,
в надежду свою не веря.
И зря письмоносец-ветер
стучался в глухие двери.

Возле ворот лицейских
в гранатовой портупее
ничком лежал полицейский.

Ночь истекала кровью
под треуголкой мрака,
в черном плаще безмолвья.

А площади Барселоны
отплясывали сардану,
тасуя свои фронтоны.

Бегство из понедельника

Нынче самая пора сбежать от овощного рациона
в ленивый воздух,
уснувший в листве апельсинного дерева,
к старому бочонку во дворе,
из которого вместо рома ударил фонтан пальмы.

Вы слышали, в Андалузии луна раскрыла заговор вин,
тайную организацию устриц, гитар и карабинеров.
В Испании ветер плещет плащом тореро,
вонзая в черную холку ночи
бандерильи песен.
В Кадисе, Виго и Ла-Корунье
в тавернах из колод повыкидывали королей.
Здесь все республиканцы —
даже деревья с трехцветной листвой,
даже перелетные птицы,
вернувшиеся в апреле строить новую жизнь.

Что могут рассказать вам об Испании газеты,
будь то «АБС», «Ле Журналь» или «Таймс», —
ведь они умолчат
о прогулках на яхте,
об истинном облике городов,
перенаселенных фруктами и женщинами,
и тем более о тайной драме,
разыгравшейся за створками ракушки.

От нас, от людей Газетного Века,
мир заслонен ворохом слов;
мы давно уже не замечаем,
как наедине с собой зреет над озером небо.
Поймите: есть нечто помимо наших доктрин:
это свободный воздух и вольные свет и вода,
контур голоса, скалькированный эхом,
восстанье деревьев против политэкономии,
нагота, сновиденья, смех и луна,
только что снятая с наковальни, —
луна, которая дарит себя всем, не иссякая.

Современная история

С шести утра просыпается дым
и без перерыва показывает рукой направление ветра.
Скамейки консервируют замороженный сон бродяг,
витрины магазинов берут улицу в плен
и продают ее вместе с фруктами, бутылками
и морскими ракушками.
Дети делают сложение из хлебов и звезд
на своих траурных аспидных досках,
и автомобили несутся, не зная,
что камень на крутом повороте ждет знака судьбы.

Словесный пулемет,
пишущая машинка стреляет по невидимому часовому звоночку.
Наковальни делят на части звонкий сон подков,
а швейные машины ускоряют сердцебиение незамужних женщин
среди крутящегося прибоа материй.

Вечер увозит большой узел солнца в трамвае.

Безработные смотрят на небо, как на корзину с яблоками.

Полки холода
рассеивают группы нищих и бродяг.

Продавец рыбы, продавцы газет
и человек, который размальывает небо на своей шарманке,
подают друг другу руки в час ужина
в клоаках и под мышками у мостов,
где отбросы изображают сад
и консервные банки высовывают язык.
Их тени растут выше островерхих черепичных крыш
и мало-помалу покрывают город, дороги и ближние поля,
пока они не задушат в своей груди образ вселенной.

Вечерний выпуск

Выбрасывает вечер первый выпуск ласточек
и объявляет новую политику погоды,
растущую нужду в колосьях света,
и спущенные на воду в небесной верфи пароходы,
и обороты магазина западных теней,
и митинги, и беспорядки ветра,
и перемену жительство пернатых,
и где, когда зажгут свои огни планеты.

Внезапную кончину тех вещей,
что затопила ночь в приливе и в тумане,
и слабый крик о помощи далеких звезд,
томящихся в тюрьме у бесконечности и расстояний.
Поход неудержимый армий сна
против восстанья призраков бесчестных,
и новый строй у света на концах штыков,
внедряемый зарею повсеместно.

Учительница, дающая уроки мирозданья

Союзница окон и горных озер,
колокол, мерно отсчитывающий золотые монеты ударов,
зеленая крона, плывущая в струях ветра,
море, раскинувшее синие сети,
в которых запутались белые голуби пены, —
ты водишь указкой по карте облаков,
объясняя весь мир
и прозрачность его сердцевины.

Тело твое — это подарок земли.
Ты пришла из республики птиц,
из отчизны плодов и деревьев,
из обнаженной зари, засыпающей в снежных горах.

Ты — ключ к зашифрованной речи ручьев,
к целомудренной тайне яблок,
к трепету ветки, качающей плод, как ребенка,
к тайному братству колес,
дарящих надежду на каждом изгибе дороги.

Ты объясняешь секреты магических чисел,
сочленивших все вещи в гармонии космоса.
Ты правишь ладьей сновидений
во фьордах звучания и аромата.
Ты жница и сеятель всех неприметных свершений,
учительница любви, лоцман
неизведанного архипелага
на океанской карте небес.

*Предвыборное воззвание
в пользу зеленого цвета*

Цвет зеленый морской, адмирал всех зеленых оттенков.
Цвет зеленый земной, товарищ всех земледельцев,
бесчисленные предваренья о счастье всеобщем,
бесконечное небо скота, пасущегося по вечности свежей.

Подводный свет рощи,
где растенья, насекомые, птицы живут и умирают
в молчаливой любви к зеленому богу.
Зеленый запах мясистой пшты, —
она вырабатывает в своей растительной кастрюльке
густую жидкость
из дождя и мрака.

Тропический стол, где со своим зеленым султаном
набирает сок татуированная голова ананаса.
Кусты на зеленых кочках,
бедные родственники холмов.

Зеленая музыка насекомых, которые пьют непрерывно
плотную ткань шелковицы,
москиты, которые селятся в скрипках,
и мутно-зеленый барабанчик лягушки.

Зеленая ярость кактуса
и терпенье деревьев, собирающих зеленою сетью
чудесный лов птиц.
Весь зеленый цвет, мира умиротворенье,
тонущий в море, карабкающийся на горы до самого неба
и бегущий в реке — в школы, где пишут обнаженное тело, —
и тоскующий, как животное, в ветре.

Безымянный район

В моем районе группами стоят дома и скот,
и сыплют тучи из мешков серебряным маисом град;
свои витрины открывает, запирает небо вдруг,
и тыквы спят тяжелым сном вдоль всех дорог;
а из пещеры фальшивомонетчика бежит поток;
на муле утренние овощи в село спешат;
все насекомые с таблицы умножения спаслись,
и воздух беспрерывно фрукты щупает рукой.

В моем районе держат все цветы
на маленьких ладошках или в сжатых кулачках
эссенцию молчания земли.
И водопад так ловко прячет зеркала свои,
и гонит он толпой своих овечек водяных,
как стадо, сквозь овраг.

В моем районе с лошадьми соседи говорят,
подковы подражают голосу колоколов,
предупреждают жабы, стоя на часах,
когда бегом проходит на ходулях дождь.
Звучит небесный, в красках весь, орган,
колени преклоняет перед ним ячмень,
а горизонт склоняющийся — это вол,
который медленно разжевывает даль.

Услуги

Небесные воды, служанки деревьев,
плача, моют древесную кору
и подают полные ведра жажде веток.
Кормилицы маленьких фруктов,
они их качают с песенкой свежести,
которой они научились
на своем вертикальном пути в атмосферу.

Только птицы знают свою рискованную программу:
коллективный подъем по дорогам тепла,
медленный полет в дирижабле какой-нибудь тучи,
воздушный маневр прозрачных отрядов
и возвращение на землю светлыми толпами.

Распределив уже поровну все свои кувшины,
воды отвязывают свои свежие рыболовные крючки
и удят пузырьки в лужах,
в этих водных провинциях неба.

Предмет и его тень

Строенье верное вселенной,
реальность, ты точнее сна.
Абстракция умрет мгновенно,
лишь брови сдвинем, — где она?

Нам через вещи жизнь открылась,
лишь наяву ты мир постиг.
Да разве тень, что прилепилась
к вещам, меняет сущность их?

От мысли призраки гоните, —
вот ключ, чтоб мир был чист и нов.
Пусть будет глаз, как челн к отплытью,
к открытию нового готов.

Поэма о послезавтрашнем дне

I

Камни ложились на кирпичи,
слой стали — на пласт бетона.
Упругие балки приняли вес
громадины многотонной.

И сбросило грязное платье лесов
фабрики юное тело.
И дрожь прошла по суставам машин,
и фабрика загудела.

И ожили и заиграли станки
мускулами молодыми,
и трубы, пробившие корку туч,
запели о тучном дыме.

II

Станину расшатывали шатуны
под свист ременной передачи,
и неся, зажмурив глаза, маховик
по кромке орбиты горячей.

И все нарастал неистовый ритм,
пока не кончалась смена,
пока над галерами темных цехов
не выла волчица-сирена.

И хлынул ходкий товар за моря
безудержною лавиной.
Ему навстречу рекой потекли
золото и лимузины.

Все новые трубы буравили высь,
и небо чернело угрюмо.
Но встали однажды на якорь суда.
Лавина застыла в трюмах.

Застыли поршни и шатуны,
и окоченели трубы.
И вместо сирены ветер завыл
над фабрикой, как над трупом.

III

Хуан, в чьи руки въелся мазут,
и Педро, чьи руки в мозолях,
держали с товарищами совет,
и каждый сказал: доколе!

Доколе в крышах наших лачуг
будет синеть небо,
доколе у наших детей на столе
не будет куска хлеба?

Звенели разбитым стеклом фонари.
Толпа забастовщиков густо
чернела на улицах и площадях
рекой, распиравшей русло.

Хуан и Педро шли впереди,
готовые к рукопашной.
И не было края людской реке,
и фабрике стало страшно.

IV

Речь неизвестного пролетария

Товарищи, земля стоит на костях,
на наших костях и крови.
И вот на этой земле не нашлось
для нас ни хлеба, ни кровли.

Ни глиняной кроны над головой,
ни хлеба — нашего сына...
Мы работорговцы собственных рук,
которые первопричина

всему: городам, где нам не жить,
счастью — заморской державе.
Но раз наши руки сжались в кулак —
быть очистительной жатве.

Одно только право у нас — умирать!
Стройтесь под красное знамя:
мы отвоюем право на жизнь
в мире, построенном нами.

V

Шаг до границы пороховой
свинцового континента,
где ноги запутываются в траве,
которой в помине нету.

— Товарищ, мать обними за меня...
Уже стекленеют очи.
Наверно, в страну, где сады и хлеб,
уходит мертвый рабочий.

Овчарка смерти, не лай, пулемет:
все равно твоя песня спета.
Поднялся в атаку рабочий люд
на всех перекрестках света.

Чертеж человека

Мир покрыт колыбелями,
они поют по ночам.

Человек живет, нагромождая кубы камней
для домов грядущих людей.

Согнутый климатом и средою,
ориентируясь по башням, дымовым трубам и антеннам,
ежедневный путник в своем городе,
терпящий крушение, начиная с пяти,
среди электрической растительности
уведомлений, объявлений, реклам.

Дрессировщик машин,
обитатель небоскребов,
ты на Севере и на Юге, на Западе и на Востоке —
белый человек, желтый человек, черный человек.

Цветут в его руках
маршруты поездов и пароходов.

В его глазах складываются
утра, накормленные газетами.

Железная дорога шлифует землю,
волоча за собою стружки пейзажей,
а самолет восстает на географию,
ведомый человеком с совершенными руками.

Человек кричит
в Мехико, в Берлине, в Москве и в Буэнос-Айресе,
радиограммы опутывают планету.

Вот он, пейзаж нашей ночи:
город опоясывается поясом поездов,
прожекторы высовывают рожки улитки,
и спускается самолет, потерпевший крушение в небе.

И поднимается Человек, изобретатель грядущего,
окруженный машинами,
воззваниями Ленина, планами Нью-Йорка
и панорамами вселенной.

Комментарии

Эквадорец у подножия Эйфелевой башни

Сейба — гигантское тропическое дерево.

Зарисовки городов

Сент-Джордж — город на острове Сент-Джорджес (Бермудские острова).

Виго — город на северо-западе Испании, океанский порт.

Ла-Корунья — город на северо-западе Испании, океанский порт.

Сантандёр — испанский город на берегу Бискайского залива.

Ла-Палис — городок на западном побережье Франции.

Ре — остров в Атлантическом океане вблизи западного побережья Франции.

Краски Гаваны

Маракас — музыкальный инструмент, род погремушек.

Малекон — центральная набережная Гаваны.

«*Тропикана*» — ресторан-варьете.

Забастовка

Сардана — народный каталонский танец.

Предвыборное воззвание в пользу зеленого цвета

Пита — разновидность агавы. Из сока этого растения готовится хмельной напиток.

Содержание

Дорожный бюллетень. <i>Перевод О. Савича</i>	95
Побережье рассвета. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	97
Утренняя стирка. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	98
Зеркальная лавка моря. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	99
Приветствие портов. <i>Перевод О. Савича</i>	101
Завтрак вселенной. <i>Перевод О. Савича</i>	104
Крайне левая. <i>Перевод О. Савича</i>	105
Биография. <i>Перевод О. Савича</i>	106
Эквадорец у подножия Эйфелевой башни. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	108
Еще раз об окнах. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	110
Зеркало в столовой. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	111
Девушка из Панамы. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	113
Обнаженная девушка. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	115
2°48' южной широты. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	116
Гамма. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	117
Ночной порт. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	118
Судьба. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	119
Клара фон Рейтер. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	121
Одна из версий земли. <i>Перевод О. Савича</i>	122
Зарисовки городов. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	124
Одиночество городов. <i>Перевод О. Савича</i>	127
В третьем классе. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	130
Краски Гаваны. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	133
Забастовка. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	136
Бегство из понедельника. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	138
Современная история. <i>Перевод О. Савича</i>	140
Вечерний выпуск. <i>Перевод О. Савича</i>	142
Учительница, дающая уроки мироздания. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	143
Предвыборное воззвание в пользу зеленого цвета. <i>Перевод О. Савича</i>	145
Безымянный район. <i>Перевод О. Савича</i>	147
Услуги. <i>Перевод О. Савича</i>	149
Предмет и его тень. <i>Перевод О. Савича</i>	150
Поэма о послезавтрашнем дне. <i>Перевод С. Гончаренко</i>	151
Чертеж человека. <i>Перевод О. Савича</i>	155